НОВАЯ серия

мария
степанова
(проза ивана сидорова)

НОВОЕ издательство

Мария М. Степанова
Проза Ивана Сидорова

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3092045
Проза Ивана Сидорова: Новое издательство; М.; 2008
ISBN 978-5-98379-082-7

Аннотация

Мария Степанова родилась в 1972 году в Москве. Автор книг «Песни северных южан» (2000), «О близнецах» (2001), «Тут-свет» (2001), «Счастье» (2003), «Физиология и малая история» (2005). Настоящий текст был впервые опубликован под именем Ивана Сидорова и под названием «Проза» на сайте LiveJournal.com.

Содержание

I	4
II	8
III	11
IV	14
V	18
IV А, следует за V	21
VI	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Степанова
Проза Ивана Сидорова

I

В городок провинциальный,
а так сказать, да в невысокий-недалекий,
с белыми крутыми берегами,
с по-над берегом гигантскими шагами,
с трубами тяжелых предприятий,
с бабами, похожими на ощупь,
как бутылки в тесных голенищах,
приезжает пьяница-мужик.

Почему пьяница – будет ясно из нижесказанного.
В городе нет никого знакомого, тем или этим к нему
привязанного.

В семь часов вечера закрываются оба обменника.
В привокзальном буфете пиво без ценника.

Мужик смотрит туда и глядит сюда.
Он не ведает, делать что и идти куда.
Что на нем: пальто итальянского кроя,
костюм спортивный, то и это сырое.

Сумка с надписью, вижу я только das,
но легко додумаю остальное.

Куда он денется, кто ему «да» и даст?

Город, положим, Под Снежною Пеленою.

Огни погашены.
Осторожно-окрашены
темным заборы, и даже на площади ни мента.

Дышит периной новая пустота.
Московский скорый,
ночной который,
вот-вот
отойдет.

Начинают движение посменно,
безалаберно и одновременно,
пробные таинственные люки,
за которыми авторские руки
нажимают на кнопки и пробелы.

Зал ожидания с криком перебегает курица.

В стеклянных дверях проступает ночной патруль.

А спящая девочка – ниже руля
некрупного взрослого велосипеда —

а где ее мамка? и чья она, бля?
глаза открывает, с узлов привстает —
и бух, точно в воду, в объятья соседа,
и «деда» бормочет, и губы сует,
но спать почему-то не перестает.

Бочком, как убитый, припала и дремлет.

Снег во тьме светит,
и тьма его не объемлет,
и ночью никто не встретит.

Скорый тянется вдоль перрона,
долгий и шелковый, как чулок.

Автор затягивает на памяти узелок
и пресекает течение повествования,
оставив героя проявлять еще неизвестные нам дарования.

II

Ну, и затемно едут они в маршрутке.
Тянутся новостройки, топорщатся палисады,
город ворочается между рекой и рекой.
Девочка спит в цигейковом полушубке.
Приезжий не без досады
решает, кто он теперь такой
и какой
он дед бессмысленному созданию,
прямолинейному, как весло.
И как его сюда занесло.
И как оправдать ее ожидания
и пару дней перекантоваться,
куда судьба его заведет.

Девочка спит.
И куда деваться,
покуда нечто произойдет?[1]
Маршрутка рыщет.
Время идет.

Быстро теплеют черствые сиденья.
В рукавах и ушах собираются сновиденья.
Тяжелей варежки, влажней глаза,

[1] Три «куда» выражают замешательство героя.

хочется курить, хочется в уборную,
и автобус забирается за
воду надутую, злую, черную.

В ногах корзина с дремотной курицей,
почти не видимой в полумгле.
Конечная. То, что кажется улицей,
стынет по грудь в земле.

Потепле —

ло,
и совсем светло.

Над землей небеса небывалой прелести.
Как в стеклянных стаканах вставные челюсти,
за оградами избы лежат в воде.
Девочка, птица, корзина, пьяница
бредут до последнего дома, где
история и останется.

То есть – где остановится.
Такая вот крестословица!

В доме чисто, как перед поминками.
Стеночки обклеены картинками.
Под окном железная кровать.
Значит, тут и будем бомжевать.

И упал мужик, как сброшенная ноша,
снится ясный день, степенная беседа,
внучка на него покрикивает: «Деда!»,
курица зовет: «Алеша!»

III

Дом – не дом, а находка.
В подполе находится захоронка,
в которой ласковая, как водка,
чистейшая самогонка.

Живут хорошо, ни в чем не нуждаются.
Девочка так и не пробуждается,
даже до ветру ходит, не разлепляя век,
знает только «деда» и «кура».

Курица, шкура,
ведет себя как мыслящий человек:
слушает, о чем бы ни говорили,
шухерится, чтоб не сварили.

Нет еды, но как бы и не нужна.

Стоит невероятная тишина.

Иногда заходят. Как ни обидно,
кто – не видно.

В это время все почему-то спят.
А проснутся, никто не спросит

ни – под чьими ногами полы скрипят,
ни – какие тяжести носят.

Снег то падает, то лежит, то тает,
неизвестно с кем наш мужик болтает,
говорит горячо и пышно,
только свой-то голос и слышно,
никого не видно. Едва по средам
почтальон проходит с газетой местной,
не привлечь его к потайным беседам,
не задать вопрос интерестный:

отчего в газете времен Хрущева,
где пропитано маслом любое слово,
пистолет лежит вороненой стали,
отчего-ка его не сдали?

Отчего не спрашивают прописки?
Отчего у девочки малой, нищей
не кончаются в кулаке ириски,
ей служа непрерывной пищей?

Отчего у храма и на погосте,
что в окошке видны, пустынно?
Кто сюда без спроса заходит в гости,
как зовут, почему не стыдно?

Темнеет быстро и в тот же момент светает.
Ложится снег и в тот же момент растает.

Мужик и пьян, да и не,
живет как во сне.

IV

Вот однажды ночью он слышит: «встань» —
говорят, и еще чего-то,
ну «табань» или там «тамань»,
и встает, давя кулаком зевоту.

Никого ни в горнице, ни в сенях,
развалилось в небе, что в тех санях,
полнолунье с ведром сметанки.
На земле же глухо, как в танке.

А земля в оврагах, в голодных ртах,
и стоит босой да в одних портах
бедный пьяница на крылечке,
словно перст в световом колечке.

И тогда-то с ним невидимая сила
как с любимым женихом заговорила,
и гудела, и нудила, и корила —
дескать, я ли тебя, гада, не поила,
не давала на просторах сеновала,
а тебе оно все плохо или мало,
а тебе мое ничто мое не мило…

И пошла-пошла-пошла давить на жалость,

словно баба, понимающая слабо.
Разбежалась,
что бы, кабы.

«Ты ж припадошный, ты без меня сопьесси,
ты ж задаром пропадешь и не вернесси,
не увидишь дорогую Балашиху,
Юльку, Ларочку и бабку-сторожиху,
я ж за пазухой держу тебя в покое,
как в приемном берегу тебя покое,
чтобы ты не натворил чего не надо,
моя лада.

Ты ж не помнишь, ни когда на свет родился,
ни зачем и почему сюда явился,
ты ж не выдержишь без женского пригляда,
моя лада.

Поживи-ка без меня, моя голуба,
позовешь еще, попросишь воротиться!»

И точно. К утру, при пустой погоде,
событья меняют расположенье,
сперва происходит их умноженье,
потом закручиваются вроде
какой-никакой воронки.
Пора постоять в сторонке.

V

Еще до полудня четыре раза
проплыла вдоль забора туда-сюда
машина цвета летнего льда
из начала рассказа

(если кто не заметил, она была
припаркована у вокзала,
но в округе дымила такая мгла,
что картинка в ней увязала) —

на глаза попадаясь чужим старухам,
заезжая на пригородное шоссе,
и, входя в разворот, проводила брюхом
по разделительной полосе
со скоростью виноградной улитки.

А ровно в двенадцать она тормозит у калитки.
И —

из машины выходит и ходит такая красавица,
что непросто представить, что нас она чем-то касается.

Такая, что раз – и в дамки,
два – и на дне реки.

Глаза, как ямки.
Титьки, как поплавки.

И вся она в черном, как в черной рамке.
Она быстрым шагом идет через двор.
Рывком открывает входную дверь.
Оказывается внутри.

Внутри не хватает света,
Но она, похоже, здесь не впервой.
Выглядывает из окна, покачивает головой —
дескать, никого нету.

Пьяница с птицей спрятался под кровать,
на которой теперь ночует.
Сам не знает, зачем. Но чует,
что лучше себя не выдавать.

Не видит девочку, не понимает, куда она подевалась.
Подозревает, что ради нее история затевалась,
зажимает куриный клюв рукавом,
думает о себе, как о мертвом и сразу же – о живом.
Надеется отсидеться,
знает: некуда деться.

Вознеслось как занавес одеяло.
И в прямоугольнике, где стояла
хорошо очерченная нога,
появились два оче-черных глаза.

И прекрасный голос сказал, зараза:
– Ага!

IV A, следует за V

Милая Дина, что там у нас в отделе.
Подозреваю, все они обалдели.
Я здесь уже неделю.

С местной милицией сложно, они на взводе,
делают мне проверки в известном роде,
как это было с тобой в позапрошлом годе.

Одновременно я же в авторитете,
Дина, чего ты хочешь, они ж как дети,
сами не знают, какую им песню спети.

Кстати, к тому пацану, что сидит в десятке,
что через стенку уходит к себе в беседку,
сказано, надо скорее сажать наседку:
кажется, он мотался сюда на блядки.

И объясни на словах, что к мамане – ладно,
а за пределы области неповадно,
мол, отберут у него, чем черкать по стенке —
будет иное варенье, иные пенки.

Милая Дина, город вроде ватина,
с первой затяжки хочешь на боковую,

в номере над кроватью висит картина,
женщина в черном, тянет на роковую.

Кстати, зайди в бухгалтерию, разберись-ка,
сколько положено мне серебра на пули,
пусть досчитают с надбавкой за группу риска.
Суки, думали, что надули.

Здесь доберу, безналичкою под расписку.

VI

Далее все происходит разом.
Красавица лезет под койку, как Жучка в реку,
благоухая, как обещанье рая.
Пьяница смотрит круглым золотым глазом
и, голыми лапами быстро перебирая,
бежит от нее половицей, теряя разум,
сиплым горлом прокрикивая «кукаре́ку».

«Куд-куда», не отстает вторая.

Крылья мешают, как не свое пальто,
голос пропал, вместо него икота.
Пьяница думает: што-то со мной не то.
Думает: вроде я превратился в што-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.